

Оглавление

Замыслил я побег	5
Геометрия любви	519
Комментарии	547

Замыслил я побег

Часто думал я об этом ужасном семействен-
ном романе...

А. С. Пушкин

— О чем ты все время думаешь?
— Я?

— Ты!

— А ты о чем?

— Я — о тебе!

— И я — о тебе... — Башмаков по сложившемуся обычаю поцеловал коричневый, похожий на изюмину девичий сосок и вздохнул про себя: «Бедный ребенок, она еще верит в то, что лежащие в одной постели мужчина и женщина могут объяснить друг другу, о чем они на самом деле думают!»

— А почему ты вздыхаешь? — спросила Вета, согласно тому же обычаю подставляя ему для поцелуя вторую изюмину.

— Поживешь с мое...

— Я обиделась! — сообщила она, специально нахмутив темные, почти сросшиеся на переносице брови.

— Из-за чего? — невозмогая равнодушие, огорчился он.

— Из-за того! До меня ты не жил... Не жил! Ты готовился к встрече со мной. Понимаешь? Ты должен это понимать!

Свою правоту она тут же начала страстно доказывать, а он терпеливо отвечал на ее старательную пылкость, чувствуя себя при этом опрокинутым на спину поседелым сфинксом, на котором буйно торжествует ненасытная юность.

— Да, да... Сейчас... Сейчас! — болезненно зажмурившись, в беспамяත්стве шептала Вета и безошибочным движением смуглой руки поправляла длинные спутанные волосы, мятущиеся в такт ее добычливым чреслам.

Эта безошибочность во время буйного любовного обморока немного раздражала Башмакова, но зато ему нравилось, ко-

гда Вета внезапно распахивала антрацитовые глаза — и слепой взгляд ее устремлялся в пустоту, туда, откуда вот-вот должна была ударить молния моментального счастья...

Девушка открыла глаза. Но совсем не так, как ему нравилось: взгляд был испуган и растерян. Горячее, трепещущее, уже готовое принять в себя молнию тело вдруг сжалось и остыло. Мгновенно. Башмаков даже почувствовал внезапный холод, сокровенно перетекающий в его тело, будто в сообщающийся сосуд.

«Наверное, так же чувствуют себя сиамские близнецы, когда ссорятся, — предположил он. — Сейчас спросит про Катю...»

Вета склонилась над ним и прижалась горячим влажным лбом к его лбу. Ее глаза слились в одно черное искрящееся око.

— А ты не обманываешь?

— Ты мне не веришь?!

— Тебе верю, но есть еще и она...

— Ты же знаешь, мы спим в разных комнатах.

— Правда?

— Врать не обучены! — оскорбился он, думая о том, как все-таки юная наивность украшает мир.

— Но ведь она...

— Катю это давно не волнует.

— Ее! — Вета обиженно выпрямилась.

— Ладно: ее это давно уже не волнует, — согласился Башмаков.

— Наверное, лет через двадцать меня это тоже волновать не будет. А ты станешь стареньким, седеньким, с палочкой... Я тебе буду давать разные лекарства.

— Знаешь, какие старички бывают? О-го-го!

— Тогда и меня это тоже будет волновать. Я тебя замучу, и ты умрешь в постели!

— Люди обычно и умирают в постели.

— Нет, люди умирают в кровати, а ты умрешь в постели. Со мной!

— Возможно, — кивнул Башмаков и заложил руки за голову.

— Тебе со мной хорошо? — Она снова склонилась над ним, касаясь сосками его волосатого тела.

Грудь у нее была большая, еще не утомленная жизнью, и напоминала половинки лимона. А это, если верить одной затей-

ливой методе определения женского характера, означало «романтическую сексуальность, доверчивость, преданность и безоглядную веру в будущее».

— Мне очень хорошо.

— Очень или очень-очень?

Башмаков подумал о том, что достаточно увидеть мужчину и женщину наедине, чтобы понять: кто из двоих любит сильнее или кто из двоих вообще любит. Тот, кто любит, всегда участливо склоняется над тем, кто лежит, заложив руки за голову.

— Очень или очень-очень? — повторила Вета свой вопрос.

— Очень-очень.

— Между прочим, ты понравился папе!

— В каком смысле?

— Во всех. Он хочет, чтобы мы с тобой обязательно обвенчались!

— Если папа хочет, значит, обвенчаемся...

— Ты будешь ей что-нибудь объяснять? — спросила Вета, высвобождая Башмакова и ложась рядом.

— Наверное, нет. Просто соберусь и уйду...

— А если она спросит?

— Отвечу, что просто люблю другую...

— А если она спросит: «Кого?»

— Не спросит.

— Я бы тоже не спросила. Из гордости.

— Она не спросит из усталости.

— Боже! Как можно устать... От тебя! От этого...

Вета нежно провела пальцами по этому, подперла ладонью щеку и уставилась на Башмакова с таким обожанием, что он даже застеснялся вскочившего на щеке прыщика.

— Олешек, знаешь, мне кажется, лучше все-таки ей сказать, а то как-то нечестно получается. Если ты все объяснишь, она тебя отпустит. Ведь ты сам говоришь — между вами уже ничего нет.

— А если не отпустит?

— Тогда мы убежим. А потом ты ей с Кипра напишешь письмо.

— Как будет «побег» по-английски?

— А вы разве еще не проходили? «Escape». «Побег» будет «escape»...

— Значит, «беглец» будет «искейпер»? Нет, лучше — «эскейпер». Это как «эсквайр»...

— «Эскейпер»? Такого слова, кажется, нет... — Она нахмурилась, припоминая. — Точно нет. «Беглец» будет «runaway».

— Жалко.

— Чего жалко?

— Что нет такого слова — «эскейпер». Тебя спрашивают: «Вы беглец?» А ты отвечаешь: «Нет, я — эскейпер!»

— Не забудь, «эскейпер», — она чмокнула его в щеку, — мы улетаем в понедельник вечером!

— To fly away. Это мы уже проходили...

— Ты нарочно дурачишься?

— Я не дурачусь. В понедельник я буду готов.

— Не слышу радости в голосе!

— Буду готов! — пионеристо повторил Башмаков.

— Слушай, Олешек, — засмеялась Вета, — а я тебе прямо сейчас еще одно прозвище придумала!

— Да-а?

— Да! «Эс-кей-пер-чик»!

— Какой еще такой «перчик»?

— Даже и не знаю какой...

— Сейчас узнаешь!

— Ах, пощадите мою невинность!

— Не пощажу!

— Что вы делаете, гражданин?!

— Сейчас узнаете, гражданка!

— погоди! Не так. Поцелуй меня... всю!

— Всю или всю-всю? — спросил он, стараясь принять более типичную для сфинксов позу.

— Всю-всю-всю...

2

Сотрудник валютно-кассового департамента банка «Лосино-Островский» Олег Трудович Башмаков замыслил уйти от жены. Это была уже третья попытка за двадцать лет их брачного сосуществования. Первая состоялась шестнадцать лет на-

зад, когда их дочери Даше было всего четыре года, а сам Олег Трудович (в ту пору просто Олег) работал в Краснопролетарском райкоме комсомола. На эту перспективную службу после окончания МВТУ его определил покойный тесть — начальник Ремжилстройконторы, где разживалась югославскими обоями, чешскими унитазами, немецкой керамической плиткой и финским паркетным лаком вся руководящая районная мелочовка.

Вторая попытка к бегству, тоже неудавшаяся, началась четырнадцать лет назад и длилась, тянулась, невидимая миру, почти все те годы, пока, изгнанный из райкома по икорному недоразумению, Башмаков трудился в «Альдебаране». У него был долгий производственный роман с Ниной Андреевной Чернецкой, и Олег Трудович в своем затянувшемся беглом порыве сам себе порой напоминал спринтера, сфотографированного с недостаточной выдержкой и потому размазанного по всему снимку...

Обдумывая третий, окончательный и бесповоротный уход из семьи, Олег Трудович постоянно мысленно возвращался к тем двум unsuccessful побегам, анализировал их, разбирая на части и вновь собирая, точно детскую головоломку. Он даже старался вообразить, как сложилась бы его жизнь, удайся любая из этих попыток, но неизменно запутывался в причинно-следственном хитромудрии, иногда высокопарно именуемом судьбой.

К побегу Олег Трудович готовился тщательно и старался предусмотреть любую случайность. Он даже с женой был добросердечен и нежен, но ровно настолько, чтобы не вызвать подозрений. Причем Башмаков не делал над собой никаких особых усилий: нежность, совершенно искренняя, затепливалась в его сердце всякий раз, когда он, взглядывая на пребывавшую в полном неведении Катю, думал о том, что скоро они расстанутся навсегда. Именно это безмятежное неведение жены и вызывало в нем особенную жалость, незаметно переходящую в нежность, которую — для безопасности — приходилось даже немножко скрывать.

В день побега — а это был, как и условились, понедельник — Башмаков взял на работе отгул, или, как выражались банковчане, «дэй офф». Заявление об уходе он решил пока не писать, чтобы не вызывать лишних разговоров и догадок. Вообще удивительно, как это до сих пор никто не позвонил Кате и не сообщил о том, чем еще, кроме банкоматов, занимается в служебное

время ее супруг. Впрочем, теперь все настолько заняты собственными проблемами, что даже на полноценную зависть и активную подлость сил не остается. «Окапитализдел народ!» — говаривал в таких случаях незабвенный Рыцарь Джедай.

Олег Трудович с удовольствием представил себе, как заскребет свою гляцевую лысину Корсаков, как сморщится фон Герке, как помчится по банку Гена Игнашечкин, размахивая факсовым обрывком с двумя строчками. Но с какими строчками:

«Прошу уволить меня к чертовой матери по горячему собственному желанию! Башмаков».

Утром эскейпер (так он теперь мысленно именовал себя) спокойно завтракал с женой Екатериной Петровной, обсуждая досадную неугомонность их дочери Дашки. Она накануне позвонила из своей бухты Абрек и радостно сообщила, что очень дешево, по случаю, у одной офицерской жены прикупила замечательную японскую коляску — розовую, всю в оборочках и со специальным электромоторчиком, поэтому коляска может совершенно самостоятельно кататься туда-сюда, укачивая младенца.

— А если будет мальчик? — спросил, доливая себе кофе, Башмаков. — Я где-то читал, что розовый цвет сбивает мальчикам сексуальную ориентацию...

— Помешались все на этой сексуальной ориентации. Как с ума сошли! — рассердилась Катя. — Нет, будет девочка: Дашка на ультразвуке проверялась. Но все равно это очень нехорошая примета! Заранее нельзя ничего покупать. Тем более за два месяца...

— Да, я помню, как ты с пузом все по магазинам бегала и распашонок накупала!

— Тогда об этом не думали. Не до примет было. Достоялся, схватил — и счастлив...

— А может, это и есть счастье?

— Возможно. Ты сегодня поздно? — спросила жена, вставая из-за стола: она выходила из дому на полчаса раньше Башмакова. — Английского у тебя, надеюсь, сегодня нет?

— Нет. Часов в семь буду. Если, конечно, что-нибудь с банкоматами не случится. А ты?

— У меня сегодня шесть уроков. Потом педсовет. Потом дополнительные. Потом зачет у заочников. Слушай, Тапочкин,

будь другом, купи хлеба, молока и чего-нибудь вкусенького! Хорошо?

— Хорошо.

Катя еще постояла в прихожей перед зеркалом, внося последние поправки в свой незатейливый учительский макияж, затем вернулась на кухню, поцеловала Башмакова в макушку и ласково провела рукой по спине, напоминая об их вчерашней супружеской взаимности, такой вдруг успешной и такой нечастой, особенно в последнее время.

— Теперь, Тапочкин, я знаю, на что ты еще способен, — и пощады не жди! — крикнула она уже из прихожей и захлопнула дверь.

Олег Трудович дозавтракал, снял халат и начал одеваться. Повязывая перед зеркалом галстук, он вдруг опасливо предположил, будто отражение жены, несколько минут назад подкрашивавшей здесь губы, теперь затаилось в глубинах стекла и внимательно наблюдает за ним. Понимая всю несуразность этого ощущения, Башмаков тем не менее постарался, чтобы его действия ничем не отличались от обычных сборов на службу. Он даже перекрыл газ и взял с собой зонтик, хотя выходил из дому всего на полчаса — чтобы, согласно намеченному плану, возле мебельного магазина договориться о машине для перевозки вещей.

В лифте валялись пустые пивные банки и яркие пакеты из-под чипсов. Пластмассовые кнопки панели были в который раз сожжены, а на полированной стене появилась новая надпись на английском, ставшем в последнее время разновидностью настенной матерщины. Башмаков только начал заниматься на курсах, организованных специально для «пожилых» сотрудников банка, и перевести надпись не сумел, отчего разозлился еще сильнее. Почтовый ящик снова был взломан, газеты изъяты, а взамен вовнутрь брошены презервативные обертки.

«Опять замок надо менять!» — с ненавистью подумал Олег Трудович.

Он представил себе, как однажды застанет малолетнего мерзавца, ломающего почтовый ящик, на месте преступления и, схватив, избьет страшно, до крови — и лицом, обязательно лицом, провезет его по острым развороченным крышкам почтовых

ячеек. Он представил себе это так ясно, что даже сжал кулаки и ощутил тяжесть в затылке. Конечно, за изуродованного сопляка придется отвечать, но они с Ветой к тому времени будут уже на Кипре. А раз так, вдруг сообразил Башмаков, можно не злиться и новый замок не вставлять. Надо же, он почти забыл о своем побеге!

«Хорош эскейпер!»

День был ветреный — и оттого ослепительно солнечный. Ревматическая, давно уже бесплодная яблоня, единственная уцелевшая во дворе от прежних деревенских садов, раскачивала ветвями и шелестела свежей листвой. Новая трава на газоне закрыла белесый прошлогодний сушняк, а обнесенное бетоном сельское кладбище, где давно уже никого не хоронили, напоминало зеленый остров посреди некогда белоснежных, а теперь закопченных и облупившихся многоэтажек «спального» района.

Во дворе над мотором старинного желтого «Форда», оперев руки в неряшливо отрихтованное крыло, задумчиво склонился Анатолич, бывший настоящий полковник, с которым Башмаков почти три года сторожил автостоянку, а заодно по мелочам обслуживал автомобили. Анатолич и по сей день работал все там же и на тех же условиях: сутки сторожишь, двое дома. По выходным машины для мелкого ремонта ему пригоняли домой, прямо к подъезду.

— Не хочет ехать? — поздоровавшись, полюбопытствовал Башмаков.

— Куда он денется — поедет! — не очень уверенно ответил Анатолич. — На службу?

— Нет, гуляю.

— Неужели деньги в банке кончились?

— Станок сломался.

— Наконец-то! — засмеялся Анатолич. — Дашка-то родила?

— Нет еще — через два месяца, — ответил Башмаков и добавил: — Но коляску уже купила.

— Молодец!

— Вообще-то примета не очень хорошая...

— Все равно молодец! Надо обмыть.

— Завтра. Сегодня хочу на дачу кое-что перевезти.